

М 77
1285

801-13
126

Убийство Герценштейна.

Въ разныхъ газетахъ появились сообщенія и статьи о томъ, что процессъ Герценштейна есть выраженіе злобы и мести П. А. Столыпина, питаемыхъ имъ къ «Союзу Русскаго Народа».

Я не вѣрю этому уже потому, что мнѣ не хочется этому вѣрить...

Но нѣкоторые факты, въ особенности за послѣднее время, порождаютъ крайнее недоумѣніе.

На этихъ дняхъ появилось правительственное сообщеніе по процессу Герценштейна, въ которомъ, между прочимъ, сказано:

Никакіе изысканія изъ указаннаго правила русскіе законы не знаютъ, какъ не знаютъ ихъ и практика.

Начнемъ съ *практики*. Какъ-же практика не знаетъ никакихъ изысканій? спрашиваетъ недоумѣвающей читатель. А «Выборгское воззваніе»? — *Потгала* въ Выборгъ цѣлая куча людей съ цѣлью совершить преступный заговоръ. *Собра-лась* эта компанія въ одномъ изъ домовъ г. Выборга, *обсудила, написала и подписала* свой заговоръ. Этотъ подписанный заговоръ *распространился* въ тотъ-же моментъ тутъ-же въ залѣ, во время даже самаго обсужденія его, *распространился* потомъ прежде всего по г. Выборгу и затѣмъ по всей Россіи. Вотъ эти-то заговорщики, преступность которыхъ уже теперь санкціонирована судомъ, судились не въ Выборгѣ, а здѣсь въ Петербургѣ исключительно по распоряженію правительства, во главѣ котораго стоялъ П. А. Столыпинъ. Какъ-же *практика* не знаетъ такихъ изысканій? вновь спрашиваетъ недоумѣвающей читатель. Вѣдь это было еще такъ недавно, чуть ли не вчера, и Министерство Юстиціи

беретъ на себя смѣлость всенародно утверждать, что «никакихъ изысканій практика не знаетъ!» Гдѣ-же, въ такомъ замалчиваніи факта на почвѣ правосудія, скрываются «интересы государства» и неужели это замалчиваніе отражаетъ собою только неумѣстное и недостойное чувство злобы и мести къ «Союзу Русскаго Народа»?

Да, откровенно сказать, это «замалчиваніе» произвело на всѣхъ честныхъ и просто порядочныхъ людей гнетущее впечатлѣніе... Чтобы сгладить какъ нибудь это гнетущее впечатлѣніе, на сцену появилась наемная «Россія», которая, по пословицѣ (извиняюсь за выраженіе) «услужливый дуракъ опаснѣе врага» еще болѣе усугубило это гнетущее впечатлѣніе, бухнувъ слѣдующее откровеніе:

Въ выборгскомъ процессѣ, говоритъ газета, обвиненіе было предъявлено не за подписаніе воззванія, а за распространеніе его. Подписаніе являлось лишь однимъ изъ обстоятельствъ дѣла, но не признакомъ преступления. Слѣдовательно, мѣсто подписанія не имѣло и не должно было имѣть, въ данномъ случаѣ, никакого значенія,

Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ столько глубины и глубоко юридическаго невѣжества, что просто поражаешься тѣмъ, что правительство, затрачивая громадные народныя денежныя средства на газету «Россія», не можетъ найти болѣе порядочныхъ и болѣе образованныхъ людей! Не говоря уже о недостойной передержкѣ, что будто бы «обвиненіе было предъявлено не за *подписаніе* воззванія, а за *распространеніе* его, но какъ же это «подписаніе не есть признакъ преступления»? И какъ-же это «*подписаніе не имѣло и не должно было имѣть никакого значенія*». Выходитъ, что, если я под-

2011136886

писалъ актъ, призывающій народъ къ бунту, то я не совершилъ *никакого* преступления и даже, по заключенію наемной газеты, въ такомъ подписаніи нѣтъ и *признака* преступления! Выходитъ, что, по русскимъ уголовнымъ законамъ, не существуетъ вообще «покушенія на преступленія!» Правительственная газета, такимъ образомъ, всенародно заявила, что не существуетъ 9 ст. Улож. о наказаніяхъ. Что-же это такое: наглость наемника или невѣжество? За что-же судили тогда выборгскихъ скомороховъ? За *распространеніе*... отвѣчаетъ правительственная газета. Не говоря уже о томъ, что это удостовѣреніе есть *прямая ложь*, но правительственная газета должна знать то юридическое положеніе, которое знаетъ даже всякій школьникъ, что, было-ли распространеніе или нѣтъ, но что съ момента подписанія воззванія къ бунту, *преступленіе уже совершено* и, если-бы не было никакого распространенія, то и тогда подписавшіе должны были бы быть судимы, и осуждены какъ преступники. Наше законодательство знаетъ два положенія:

Покушеніемъ на преступленіе признается всякое дѣйствіе, коимъ *начинается* или *продолжается* приведеніе злого намѣренія въ исполненіе (ст. 9-я) и

Преступленіе *почитается совершившимся*, когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало преднамѣренное виновнымъ, или же иное отъ его дѣйствій зло. (ст. 10-я).

Слѣдовательно, ясно, какъ Божій день, что одинъ фактъ собранія и подписанія акта заговорщика есть *преступленіе*. А этотъ фактъ свершился въ г. Выборгѣ и, слѣдовательно, преступленіе подсудно Выборгскому суду, а, на самомъ дѣлѣ, «въ виду незнанія никакихъ изъятій», какъ гласитъ правительственное сообщеніе, оно рассматривалось въ Петербургѣ... Правительственная газета должна была бы понимать, что въ томъ преступленіи, которое свершили Выборгские заговорщики, распространеніе могло представляться *только* однимъ изъ элементовъ состава преступления, все равно какъ поѣздка, обвиненіе, составленіе акта, подписаніе его и т. д. составляютъ также элементы преступления. Ихъ должны были судить за *покушеніе*, причемъ совершенно безразлично, было ли распростра-

неніе или нѣтъ. Вслѣдствіе этого сказать, что по мѣсту *распространенія* должна быть опредѣляема *подсудность* данного дѣла, можетъ только или совершенный невѣжда или наемникъ, лучшій за получаемыя имъ деньги. И вообще и по другимъ дѣламъ опредѣлять подсудность дѣла по мѣсту «распространенія» не представляется никакихъ оснований. Достаточно взглянуть въ изданіе устава уголовного судопроизводства С. Г. Щегловитова, чтобы знать, что и высшая судебная инстанція Имперіи, Кассационный Департаментъ Сената, никогда не держалась подобнаго взгляда. Сенатъ призналъ,

а) что подсудность дѣла о подмогѣ документа опредѣляется *мѣстомъ совершенія* поддѣлки, а не пользованіемъ онымъ или *предназначеніемъ* ко *взысканію* (19/205; 15/620).

б) что относительно дѣла о проливаніи съ поддѣльнымъ видомъ на жительство, приобретеннымъ отъ другого лица, подсудность опредѣляется *мѣстомъ приобретенія*, а не *мѣстомъ предьявленія* такового (747).

в) что подсудность дѣла о поддѣлкѣ кредитныхъ билетовъ опредѣляется *мѣстомъ совершенія* сего дѣланія, а не *мѣстомъ сбыта* (7415).

г) что разсмотрѣніе въ С.-Петербургѣ дѣла объ оклеветаніи посредствомъ письма, посланнаго въ Парижъ *не можетъ быть* признаваемо нарушеніемъ закона (93/17) и т. д., и т. д., и т. д.

Даже въ судопроизводствѣ, по нарушеніямъ постановленій о печати, въ статьѣ 1213^а говорится, что «преступленія о проступкѣ сего рода судятся *въ той мѣстности*, гдѣ отпечатано произведеніе, давшее поводъ къ преслѣдованію». Однимъ словомъ ни съ какой точки зрѣнія процессъ о «Выборгскомъ шпшѣ» не могъ рассматриваться въ С.-Петербургѣ. Думается, что и «Россія» того же мнѣнія (такъ какъ двухъ мнѣній по этому вопросу быть не можетъ), но наемный журналистъ волей-неволей долженъ *прислужиться* тому, кому онъ служитъ. Однако не слѣдуетъ забывать пословицы «услужливый» опаснѣе врага» и было бы честнѣе, еслибы эти особаго типа журналисты начертали бы на своемъ знамени слова изъ «Горя отъ ума»:

«Служить я радъ, *прислуживаться* тошно»

И такъ, несмотря на защиту правительственного сообщенія газетой «Россія», мы должны признать, что это «со-

общеніе» въ словахъ «*никакихъ изъятій практика не знаетъ*», грѣшитъ противъ истины. Въ процессу о «*выборгскомъ шпшѣ*» мы могли бы еще прибавить послѣднее дѣло о «*бомбистахъ*», но думаемъ что и этого покуда достаточно. Теперь обратимся къ другой части утвержденія правительственнаго сообщенія, что будто бы «*русскіе*» законы *никакихъ изъятій не знаютъ*. И въ этой части «*правительственное сообщеніе*» грѣшитъ противъ истины. Существуютъ статьи 246, 247 и 248 уст. уг. суд., предусматривающія случаи перенесенія уголовныхъ дѣлъ изъ одного округа въ другой. Перенесеніе это допускается между прочимъ, (статья 247 уст. уг. суд.).

Когда большее число обвиняемыхъ и свидѣтелей по преступленію, совершенному въ округѣ каковаго либо, имѣютъ жительство въ округѣ другого суда.

Наличность этихъ данныхъ въ Герценштейнскомъ процессѣ — несомнѣнно. Не только «*большая часть*», а *всѣ*, рѣшительное всѣ, и обвиняемые, и свидѣтели, живутъ не въ Финляндіи, даже самъ убитый Герценштейнъ жилъ только *временно*, на дачѣ, подъ Петербургомъ, въ Террюкахъ. Независимо отъ этого въ статьѣ 248 того-же устава сказано, что

Сенатъ по предложенію Министра Юстиціи, а также по непосредственному своему усмотрѣнію, переноситъ дѣло изъ одного судебного округа въ другой, *не только* при обстоятельствахъ, указанныхъ въ предшествующей статьѣ, но и во *всѣхъ* тѣхъ случаяхъ, когда перенесеніе дѣла окажется необходимымъ для огражденія безпристрастія судебного приговора или общественаго порядка и спокойствія.

И такъ: какъ ни взгляни на дѣло Герценштейна, все выходитъ, что перенесеніе дѣла не только возможно, но и *безусловно необходимо*. И эта необходимость является обязательною не потому, что тутъ замѣшаны «Союзъ Русскаго Народа» и А. И. Дубровинъ, на которыхъ варварски невѣжественный финляндскій судъ раскрываетъ свою акулову пасть, а во имя отвѣченной правды и *идеи правосудія!*

Такимъ образомъ и это утвержденіе правительственнаго сообщенія, что «*никакихъ изъятій русскіе законы не знаютъ*», не соответствуетъ правдѣ и истинѣ, и до глубины души больно слышать

подобныя сообщенія изъ устъ Министерства Юстиціи, для котораго, казалось бы, правда болѣе чѣмъ обязательна...

Разъ Министерству Юстиціи стало на путь *такихъ* сообщеній, а бы посовѣтывалъ П. Ф. Булацелю обратиться непосредственно въ Правительствующій Сенатъ, въ виду того, что цитируемый мною законъ (ст. 248) прямо говоритъ, что Сенатъ можетъ рѣшить вопросъ о переносѣ, *по непосредственному своему усмотрѣнію*».

Возникаетъ одинъ вопросъ: какъ и кто рѣшитъ могущія возникнуть пререканія между финляндскимъ судомъ и Правительствующимъ Сенатомъ? Въ виду полного отсутствія въ нашемъ законодательствѣ *правовой* точки зрѣнія, въ отношеніяхъ между Россіей и ея фактической провинціей Финляндіей, дѣйствительно возникаетъ *этотъ* нелѣпый вопросъ. Но думаю, что, еслибы Правительствующій Сенатъ высказалъ бы свой компетентный взглядъ, то финляндскій судъ согласился бы на это положеніе, потому что дѣйствительно: ну, какая же надобность финляндскому суду до Герценштейна, до «Союза Русскаго Народа» и до вообще такой исторіи или такого преступленія, который всецѣло относится до внутренней жизни Россіи? Вѣдь судятъ, кажется, *настоящіе* финляндцы, а не шведоманы — эти настоящіе наши кадеты, — которые готовы ежеминутно продать Финляндію за тридцать сребренниковъ, какъ наши кадеты Россію...

Обращаясь далѣе къ правительственному сообщенію, мы остановимся на ссылкѣ на статью 216 уст. уг. суд., причемъ, прежде всего мы видимъ, что эта статья неправильно процитирована. Бульварно 216 ст. уст. уг. суд. гласитъ:

Дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, совершенныхъ въ Имперіи жителями губерній Царства Польскаго и великаго княжества финляндскаго, или въ сихъ краяхъ жителями Имперіи, производятся тамъ, гдѣ совершено преступное дѣяніе, и приговоръ постановляется по законамъ того края, гдѣ рѣшено дѣло, *но при этомъ судебныя установленія принимаютъ въ соображеніе права и преимуществъ, коимъ подсудимые пользуются въ своемъ краѣ*.

Вотъ этихъ всѣхъ словъ, напечатанныхъ нами курсивомъ, и нѣтъ въ правительственномъ сообщеніи, тогда *какъ*

все предыдущее приведено дословно. Къ этимъ выпущеннымъ словамъ мы обратимся потомъ; а теперь коснемся только тѣхъ словъ закона, какія приведены въ правительственномъ сообщении.

Возникаетъ такъ сказать центральный вопросъ:

да совершено-ли действительно въ Финляндии, а не въ Петербургѣ, то преступленіе, по обвиненію въ которомъ привлекаются одинъ за другимъ жители г. Петербурга?

Въ чемъ заключается преступленіе?— Въ убійствѣ Герценштейна... отвѣтитъ мнѣ читатель. Нѣтъ, скажу я, преступленіе гораздо шире, и убійство Герценштейна только *часть* того преступленія, въ которомъ сылаются разные лжесвидѣтели, подогрѣваемые подкупомъ еврейско-кадетскихъ политикановъ, обвинить разныхъ лицъ до А. И. Дубровина включительно. Забудьте, что объ убійствѣ въ финляндскомъ судѣ нѣтъ даже и рѣчи. Убилъ Герценштейна Казанцевъ, а Казанцева убилъ Федоровъ и на этомъ вопросъ объ убійствѣ конченъ. Дѣло-же завязалось *о заговорѣ*, который будто-бы совершился въ Петербургѣ. Лжесвидѣтель Ларечкинъ такъ и говоритъ, что въ Петербургѣ, въ средѣ цѣлой группы лицъ, состоялся заговоръ на убійство *многихъ* лицъ. Въ финляндскомъ судѣ среднѣевого характера все слѣдствіе основывается на системѣ формальныхъ доказательствъ, т. е. на свидѣтельскихъ показаніяхъ *безъ всякой проверки ихъ*. Поэтому и я дѣлаю свои выводы на той-же почвѣ. Вотъ эти свидѣтели не только говорятъ о заговорѣ на нѣсколько убійствъ, но и бомбы, опущенныя въ дымовыя трубы С. Ю. Витте въ *Петербургѣ*, и убійство Толлоса въ *Москвѣ* приурочиваютъ къ тому-же заговору. Въ такомъ случаѣ гдѣ-же то *мѣсто*, въ которомъ *совершенно* преступное дѣяніе (ст. 216) — въ Терріоки, въ Петербургѣ или въ Москвѣ? Возьмемъ такой примѣръ. Положимъ, что покойный иллюминаторъ государственный преступникъ Герценштейнъ, вывѣстивъ съ компаніей кадетовъ, здравствующей и теперь, совершилъ въ Петербургѣ *заговоръ* поджечь Россію въ ста мѣстахъ, для чего набрали сто агентовъ, *внушили* этимъ агентамъ мысль о поджогахъ, т. е. *дали*

имъ ихъ поджигателями, дали имъ деньги и другія разнаго рода средства и вслѣдствіе этого въ ста городахъ Россіи запылали пожары, т. е. произошла желаемая иллюминація. Возникаетъ вопросъ, гдѣ совершилось преступленіе, по которому должна быть опредѣлена подсудность?

Неужели въ *ста* судахъ? Вѣдь подсудными во всѣхъ ста судахъ являются одні и тѣже лица, т. е. Петербургскіе заговорщики и сто агентовъ, выбѣжавшіе изъ Петербурга для поджоговъ.

Неужели-же *всѣмъ* этихъ подсудимыхъ нужно было бы возить по *всѣмъ* судамъ и, когда окончили бы этотъ объездъ, долженъ былъ бы состояться окончательный приговоръ *по совокупности*? Вѣд суды должны были бы ожидать, когда придетъ ихъ очередь и когда привезутъ имъ иллюминаторовъ?—Неудобство очевидная... Эта неудобство получилась вслѣдствіе буквѣдства, вслѣдствіе того, что нужно вникать по буквамъ въ *духъ закона*, а не въ самую букву. Можно представить и другой примѣръ. Если *одинъ* и тотъ-же человекъ совершаетъ десять *одинаковыхъ* убійствъ въ *десяти* городахъ, то какому мѣсту *подсудна* его преступная дѣятельность?

Въ убійствѣ Герценштейна, если основывать подсудность дѣла по мѣсту совершения *преступленія* и опредѣлять таковое по лжесвидѣтельскимъ показаніямъ, то этимъ мѣстомъ необходимо признать Петербургъ, а не Терріоки. Вѣдъ въ Петербургѣ свершился заговоръ, т. е. окончательно состоялось «покушеніе на преступленіе», предусмотрѣнное 9 ст. уст. уг. суд. Если бы Казанцевъ, стрѣляя въ Герценштейна, промахнулся бы, то онъ долженъ былъ быть судимымъ за «покушеніе на преступленіе», но *всѣ* заговорщики должны были быть судимы *также* за то-же самое «покушеніе на преступленіе», почему же *мѣстомъ* совершения «покушенія на преступленіе» должно было быть признано Терріоки, а не Петербургъ? Преступленіе (10 ст.) считается *совершившимся*, когда послѣдуетъ зло, а въ данномъ примѣрѣ зло не послѣдовало и, слѣдовательно, могло бы быть признано *только* «покушеніе на преступленіе». Почему же мѣстомъ «по-

кушенія» возможно признать то мѣсто, гдѣ послѣдовало вслѣдствіе, а не то мѣсто, гдѣ свершился заговоръ? Вѣдъ вслѣдствіе было бы только однимъ изъ элементовъ «покушенія» въ цѣломъ рядѣ другихъ. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи «покушенія» *мѣстомъ* совершения его несомнѣнно долженъ былъ бы быть признанъ Петербургъ. Но самое убійство Герценштейна нисколько не видоизмѣняетъ этого юридическаго положенія, такъ какъ оно остается всетаки въ сферѣ 9 ст. уст. уг. суд., а не въ сферѣ 10 ст. По буквальному смыслу 10 ст. «преступленіе считается *совершившимся*, когда въ самомъ дѣлѣ послѣдовало *преднамеренное виновнымъ* зло. А «преднамереннымъ» зломъ свершившагося въ Петербургѣ заговора было не убійство Герценштейна, а убійство *многихъ* въ разныхъ городахъ. Свершилась значить *только часть* заговора, а не весь заговоръ. Почему же *всѣ* заговоръ лишился подсудности Петербурга и перенесенъ въ Терріоки?

Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ юридическую сторону постановки дѣла Герценштейна, необходимо признать: 1) что примѣры на практикѣ *перенесенія* подобныхъ дѣлъ *есть*; 2) что по закону такое перенесеніе не только *возможно*, но и *обязательно*, во имя правосудія; и 3) что самая *подсудность* по мѣсту совершения преступления неправильно опредѣляется Терріоками, а должна быть опредѣлена Петербургомъ.

Вѣрны-ли мои юридическія размышленія или нѣтъ — пусть отзовутся болѣе компетентные люди, чѣмъ я. Но, откидывая всю казуистическую сторону этого дѣла, естественно возникаетъ вопросъ: почему наше правительство, не взирая на ходатайство привлекаемыхъ къ безобразному финскому суду, о перенесеніи этого дѣла въ Петербургскій судъ, такъ упорствуетъ? Почему, когда безобразія этого суда стали очевидны и невозможность *правосудія* при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ поставлено это дѣло, стала для всѣхъ ясна, наше правительство всетаки стремится къ тому, чтобы на Дубровина надѣли кандалы? Почему, когда все дѣло (заговоръ), если только оно было, свершилось въ Петербургѣ, когда всѣ свидѣтели и обвиняе-

мые живутъ въ Петербургѣ, когда болѣе *пятидесяти* газетъ праваго направленія вопіютъ о несправосудіи и о несправильной постановкѣ процесса Герценштейна, правительство всетаки сознательно оставляетъ это выдающееся дѣло въ рукахъ полуграматнаго суда, судопроизводство котораго относится ко временамъ варваровъ? Почему наше правительство, въ разборѣ сложныхъ юридическихъ подробностяхъ этого дѣла, признало себя *компетентнымъ*? Въ разсмотрѣніи вопросовъ о подсудности, о перенесеніи дѣла изъ одного округа въ другой, о покушеніи и совершившемся преступленіи и т. д. компетентными являются суды и Сенатъ, почему же эти функціи государственной дѣятельности присвоило себѣ правительство? Государю Императору благоудбно было приказать дѣйствовать въ этомъ дѣлѣ *по закону*. Почему же не исполнена эта священная воля Государя? Почему Министръ Юстиціи, *вопреки 248 ст. уст. уг. суд., не предложилъ* разсмотрѣніе этого вопроса «соединенному присутствію перваго и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената»? Только *это* присутствіе является для насъ вполнѣ компетентнымъ для разрѣшенія вопроса о подсудности данного дѣла и о необходимости его перенесенія... Почему?..

Всѣ эти вопросы назойливо осаждаютъ головы всѣхъ людей, искренно преданныхъ идеѣ правды и справедливости...

Неужели же здѣсь замѣшана исключительно личная злоба и месть?..

Нѣтъ, я вѣрить этому не хочу...

Продолжая анализировать юридическую картину разворачивающагося передъ нами Герценштейнскаго дѣла, этого удивительнаго процесса, въ которомъ сплетаются тупость и глупость финляндцевъ съ гнусной продажною и лицемеріемъ русскихъ, я долженъ указать и на юридическое финляндское законодательство.

Къ удивленію и въ этомъ законодательствѣ, параллельно нашей 217 ст. уст. уг. суд., мы находимъ статью, которая открываетъ нѣкоторые горизонты по вопросу о *подсудности* этого дѣла. Въ статьѣ II, (изданія Малышева, стран. 872), говорится:

если откроется, что въ одномъ врау учинено преступленіе тяжкое, а въ другомъ маловажное, то для слѣдствія и суда высылать обвиняемаго туда, гдѣ содѣяно имъ тяжкое преступленіе.

Слово «маловажное» необходимо понимать въ смыслѣ «менѣе важное». Принявъ во вниманіе все то, что я говорилъ ранѣе, что обвиненіе выросло въ «заговоръ на многія убійства» и что, кромѣ Герценштейна, убить Иоллосъ въ Москвѣ и въ домъ С. Ю. Витте положены двѣ бомбы въ Петербургѣ, необходимо признать, что этотъ заговоръ болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ случайное проявленіе этого заговора въ Терріокахъ. Такимъ образомъ, въ данномъ дѣлѣ, означенная II ст. должна быть истолкована именно въ смыслѣ неподсудности настоящаго дѣла финляндскому суду. Пожаръ загорѣлся здѣсь въ Петербургѣ и отъ искры вдругъ также занялось пожаромъ Терріоки. Гдѣ главенствующее преступленіе? — Конечно «заговоръ на убійство многихъ», а не убійство Герценштейна. То обстоятельство, что «заговоръ» по юридической терминологіи называется «покушеніемъ», а убійство — «совершеніемъ», нисколько не видоизмѣняетъ нашего взгляда, такъ какъ «покушеніе» можетъ быть болѣе тяжкимъ преступленіемъ, чѣмъ самое совершеніе. По ст. 241 нашего улож. о наказ. «всякое злоумышленіе противъ Государя Императора» наказывается смертною казнью, а по ст. 1449 того же уложенія за смертоубійство максимумъ наказанія опредѣляется ссылкой въ каторжную работу. Такимъ образомъ, съ одной стороны, за «покушеніе» — смертная казнь, а съ другой за совершенное убійство — каторжная работа. Отсюда становится яснымъ, что подъ словами «покушенія на преступленіе» можетъ скрываться преступленіе болѣе тяжкое, чѣмъ подъ словомъ «убійство». Вотъ почему я и утверждаю, что якобы существующій въ Петербургѣ «заговоръ на убійства многихъ» — болѣе тяжкое преступленіе, чѣмъ часть этого преступленія — убійство Герценштейна. Вотъ почему цитируемая мною II ст. финляндскихъ законовъ несомнѣнно должна имѣть мѣсто при опредѣленіи подсудности дѣла Герценштейна. И такимъ образомъ и по русскимъ и по финляндскимъ законамъ

означенная подсудность должна быть опредѣлена Петербургомъ, а не Терріоками. Почему же это дѣло продолжаетъ разбираться въ финляндскомъ судѣ? Отвѣда явилось столь милое согласіе между П. А. Столыпиннымъ и нашимъ министерствомъ юстиціи, съ одной стороны, и кадетами и революціонерами, съ другой, въ направленіи удара «Союзу Русскаго Народа» вообще и А. И. Дубровину въ частности? — Въ данномъ случаѣ возникъ вопросъ, какому суду, какому судебному округу подсудно дѣло Герценштейна? Я всѣмъ, мною написаннымъ, доказываю, что это дѣло подсудно Петербургскому Окружному Суду. Министерство юстиціи доказываетъ, что оно подсудно суду финляндскому. Кто правъ? Какъ мой взглядъ, такъ и взглядъ П. А. Столыпина и министерства Юстиціи закономъ не признаемы компетентными. Законъ признаетъ компетентной инстанціей только особое присутствие перваго и кассационныхъ департаментовъ сената. Почему же, когда состоялась по этому дѣлу резолюція Государя Императора „поступить по закону“, министерство юстиціи присвоило себѣ, неуказанное закономъ, право компетенціи?..

Но, отбросивъ всѣ эти юридическія размышленія, необходимо признать, что и простые обыватели Имперіи и Финляндіи рѣшительно недоумѣваютъ, почему это дѣло, которое, и по существу своему, и по лицамъ, въ немъ участвующимъ и рѣшительно по всему до мельчайшихъ его деталей, принадлежитъ внутренней жизни Россіи, своимъ разборомъ вдругъ навязано Финляндіи? Ни Гос. Дума, къ которой принадлежалъ Герценштейнъ, ни «Союзъ Русскаго Народа», ни всѣ замѣшанные въ этотъ процессъ лица не имѣютъ рѣшительно никакого отношенія къ Финляндіи и, вдругъ, ея суду предлагаютъ разбираться въ этомъ дѣлѣ!

Вѣдь, для правосудія, прежде чѣмъ признать кого либо виновнымъ въ томъ или иномъ преступленіи, необходимо вдуматься во внутреннюю сторону совершеннаго преступленія, въ тѣ мотивы, которыми руководствовались преступники... Какимъ же образомъ какой то финляндскій судъ, совершенно чуждый внутренней жизни Россіи и ея политическому

броженію, вдругъ долженъ разбираться въ этомъ сложномъ процессѣ?... Да, приходится признать, что мы еще не были свидѣтелями столь мичемъной казуистики, кака я сказывается въ этомъ дѣлѣ съ наступившимъ новымъ режимомъ и кака я возможна стала только съ тѣхъ поръ, когда по политическому канату нашей жизни стали балансировать властолюбивые лицемѣрные пройдохи...

Чего же однако бояться поставить это дѣло на почву возможности правосудія? Вѣдь желаніе всѣхъ привлекаемыхъ къ этому дѣлу лицъ заключается въ одномъ: «дайте намъ гарантію правосудія, дайте намъ русскій судъ, который ведется по судебнымъ уставамъ Императора Александра II-го, стоящимъ безгранично выше финляндскихъ законовъ!» Привлеченные къ дѣлу говорятъ, что совершенно чуждый дѣлу судья, да еще незнающій русскаго языка, не можетъ свершить правосудіе въ этомъ дѣлѣ. И самъ судья восклицаетъ: о, зачѣмъ намъ навязали это дѣло!...

И всетаки дѣло не переводится въ русскій судъ! Чего и кто боится правительнаго правосуднаго веденія этого дѣла, чего и кто боится вывести это дѣло на чистую воду? Категорическаго отвѣта на этотъ вопросъ никто не даетъ, но зато слуховъ многого множество. Говорятъ, что «Союзъ Русскаго Народа» никакого отношенія къ этому дѣлу не имѣетъ. Говорятъ, что, еслибы и допустить на минуту нелѣпное предположеніе о существованіи особаго отдѣла «Союза Русскаго Народа» «боевой дружины», то и тогда бы никакого убійства ни Герценштейна, ни Иоллоса не послѣдовало бы, потому что какъ тотъ, такъ и другой никакого значенія для „Союза Русскаго Народа“ имѣть не могли. И Герценштейнъ, и Иоллосъ для «Союза Русскаго Народа» представлялись совершенно одинаковыми кромольниками, какъ и тѣ 300 человекъ, которые засѣдали въ Г. Думѣ, какъ и тѣ сотни журналистовъ, которыми кишѣли и кипятъ теперь еврейскіе подстрекательскіе органы печати. Поэтому остановить свое вниманіе именно на этихъ двухъ представлялось совершенной нелѣпностью, пропагандируемой теперь исключительно съ цѣлью отвода глазъ.

Говорятъ, что бомбы, оказавшіяся въ трубахъ С. Ю. Витте, были просто явленіемъ грубой провокаціи, устроенной также съ цѣлью отвода глазъ...

Говорятъ, что убійство Герценштейна и Иоллоса были совершены шайкой заговорщиковъ, состоящей изъ властолюбцевъ добивавшихся, путемъ террора и убійствъ, власти и захвата въ свои руки управленія Россіи...

Говорятъ, что, какъ Герценштейнъ, такъ и Иоллосъ были душою всѣхъ террористическихъ заговоровъ и были посвящены во всѣ тайны этихъ заговоровъ и знали всѣхъ участниковъ ихъ. Въ этой шайкѣ, говорятъ, произошелъ расколъ на почвѣ еврейскаго вопроса и потому нужно было ихъ убить, чтобы они не могли прямо или косвенно выдать всѣхъ участниковъ между которыми существуютъ и птицы высшаго полета...

Говорятъ, что съ Герценштейномъ и Иоллосомъ повторилась точно такая-же исторія, какъ и съ убійствомъ Гапона...

Говорятъ, что вотъ эти-то участники шайки, сильные и капиталомъ, и вліяніемъ, и теперь устраиваютъ Терріокскій процессъ изъ боязни, что, при свѣтѣ русскихъ Судебныхъ Уставовъ, можетъ открыться многое такое, передъ которымъ разоблаченія Азефа и Бурцева совершенно поблѣднѣютъ...

Говорятъ, наконецъ, что этотъ процессъ есть выраженіе злости и мести „Союзу Русскаго Народа“ со стороны П. А. Столыпина...

Все это, конечно, только „говорятъ“, и оно должно остаться покуда въ области слуховъ, но уже нѣкоторые искорки пробѣжали и въ Терріокскомъ процессѣ. Тамъ, на судѣ, уже раскрывался подвунъ со стороны кадетскихъ агентовъ, были указанія на какія-то таинственныя шкатулки, указывали имена разныхъ проходивцевъ, устраивающихъ и обставляющихъ этотъ процессъ... Все это вѣрно или невѣрно, мы не знаемъ, но пусть всякій сколько нибудь честный человекъ, положя руку на сердце, скажетъ — да возможно-ли какое либо выясненіе истины въ финскомъ судѣ, при взаимномъ непониманіи рѣчи, порядка судопроизводства, сущ-

ности дѣла и т. д.? Почему же и кто, повторяю, боится свѣта правосудія, и почему этотъ процессъ не переводится въ русскій судъ? Была пущена версия, что будто бы перенесеніе процесса объясняется стремленіемъ къ *легальности*, но эта версия по своей лицемѣрной подтасовкѣ возбудила у всѣхъ коряволицыхъ людей только презрительную улыбку... Гораздо болѣе вѣроятія, что въ этомъ дѣлѣ скрывается какая-то преступная тайна, которую слѣдовало бы раскрыть и ради уже которой слѣдовало бы перенести это дѣло изъ тухонской тьмы на свѣтъ русскаго законодательства.

Въ заключеніе, необходимо отмѣтить еще одну чудовищную несообразность. Какъ я упоминалъ, 216 ст. нашего уст. уг. суд. гласитъ, что хотя,

приговоръ постановляется по законамъ того краѣ, гдѣ рѣшено дѣло, но при этомъ судебныя установленія принимаютъ въ соображеніе права и преимущества, которыми подсудимые пользуются въ своемъ краѣ.

Параллельно этой статьѣ существуетъ и въ финляндскомъ законодательствѣ ст. 15-я (отд. о судопроиз., гл. X ст. 28 доп. II), по которой общая фраза, ничего не объясняющая, нашей 216 статьи выражена болѣе опредѣленно. Изъ этой статьи (15-ой) видно, что, напримѣръ, смертная казнь русскаго не приводится въ исполненіе безъ представленія на Высочайшее усмотрѣніе или также тѣлесное наказаніе для лицъ, пользующихся «особыми преимуществами состоянія» не можетъ быть выполнена безъ Высочайшаго разрѣшенія. Въ примѣчаніи къ этой статьѣ указано, кто въ Россіи пользуется особыми преимуществами:

Состоянія, пользующіяся особыми преимуществами, суть въ Россіи: дворянство родовое и личное, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола; духовенство, т. е. священнослужители и ихъ жены, и купечество 1-й и 2-й гильдіи, также мужскаго и женскаго пола, равно почетные граждане и другія лица, кои приобрѣли сіи преимущества по особому изданному о нихъ постановленіямъ.

При сопоставленіи Уложеній Русскаго и финляндскаго получается полное различіе.

Отъ наказаній тѣлесныхъ у насъ освобождены не только тѣ, которые поименовываються въ финляндскомъ Улож., но

еще лица по 65 рубрикамъ. Противорѣчіе доходитъ прямо до смѣшнаго. Въ фин. Улож., напримѣръ, говорится, что *такія-то жены* изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, а по Русскому—лица женскаго пола *вообще изъяты* отъ наказаній тѣлесныхъ. Что же будетъ дѣлать русское правительство если хоронивый финляндскій судъ подвергнетъ русскую женщину сѣченію розгами? Въ чемъ же будутъ заключаться „право и преимущество, коими подсудимые пользуются въ своемъ краѣ“. Отъ перваго шага финляндскаго судопроизводства до наказаній включительно—все есть сплошное *нарушеніе* «правъ и преимуществъ, коими русскіе пользуются въ своемъ краѣ!» По нашему Уложенію подъ тѣлесными наказаніями разумѣются не только наказаніе розгами, но и *заключеніе въ оковы*. А между тѣмъ финляндскій судъ каждаго русскаго заключаетъ въ оковы, прямо издѣваясь и надъ русскими законами, и надъ тѣми „правами и преимуществами“, которыя даруются Высочайшей властью русскимъ гражданамъ! Взгляните, напримѣръ, на систему финляндскихъ наказаній. Напримѣръ въ главѣ «объ отпаденіи отъ чистаго евангельскаго ученія» сказано, что, кто будетъ хулить Святыя Таинства Церкви тотъ подвергается *смертной казни*. По этой статьѣ, Левъ Толстой, напримѣръ, долженъ быть казненъ, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ члены Гос. Думы утвердившіе свободный переходъ христіанъ въ язычество, магометанство и іудейство. За государственную измѣну виновные наказуются *лишеніемъ правой руки, казнью отсѣченіемъ головы и положеніи на колесо*. Малое слово, «положить на колесо» значитъ «сокрушить кости и члены въ спинной части тѣла вращающимся колесомъ и потомъ положить раздробленное тѣло на колесо для выставки казненнаго». По финляндскому закону этому наказанію подвергаются за разнаго рода преступленія. Далѣе:

Всѣкъ, кто будетъ *говорить* или *писать* что либо оскорбительное противъ короля или королевы или противъ того, кто объявленъ наследникомъ престола, имѣетъ быть *казненъ отсѣченіемъ головы*.

Великое одолженіе сдѣлало наше правительство стрелкамъ Гос. Думы, под-

писавшимъ воззваніе о неплатежѣ подачей и объ отказѣ отъ воинской повинности, тѣмъ, что перенесло это дѣло изъ Выборга въ Петербургъ, такъ какъ по финляндскимъ законамъ:

Кто будетъ поддучать и укрѣплять простой народъ въ непослушаніи короля или того, кто отъ имени Высочайшей власти повелеваетъ и приказываетъ, тотъ имѣетъ быть *лишенъ жизни*.

Это, знаете, немного тяжелѣе, чѣмъ сидѣніе въ мягкихъ креслахъ на судѣ и трехмѣсячный арестъ съ побѣдоноснымъ ореоломъ «освободителей»...

Всѣхъ прелестей финляндскаго уложенія о наказаніяхъ не перечислишь. Но встрѣчаются такіа:

имѣетъ быть поставленъ съ желѣзною ротакою на шею столба;
имѣетъ быть наказанъ: мужчина—40 парами прутьевъ, а женщина—30 парами розогъ;

долженъ быть казненъ отсѣченіемъ головы и сожженъ на кострѣ;

кто украдетъ при пожарѣ, тотъ имѣетъ быть повѣшенъ;

если кто выдѣнетъ чужую корову, то долженъ стоять у дверей суда одинъ часъ съ полойникомъ въ рукахъ;

если женатый мужчина учинитъ предлободѣніе съ чужою женою, то оба они должны быть подвергнуты высшему тѣлесному наказанію;

за открытіе публичнаго дома долженъ стоять три дня у позорнаго столба, а на третій день долженъ быть палачемъ высѣченъ прутьями или розгами и потомъ отданъ на три года въ публичную работу; женщины же этого дома наказываются розгами и вообще за отношеніе неженатаго мужчины и незамужней женщины полагаются штрафы и розги.

Вообще прелестей финляндскихъ наказаній не оберешься, причемъ прутья и розги на каждомъ шагу. Ни одного изъ этихъ наказаній въ русскомъ законодательствѣ нѣтъ. Какъ-же понимать слова 216 ст. уст. уг. суд. «судить по финскимъ законамъ, памятуя права и преимущества русскихъ?»..

А между тѣмъ траги-комедія Герценштейнскаго процесса продолжается... Тамъ, гдѣ злобные и мстительные дивари-финны, подъ охраной драконовскихъ законовъ, жили мирно и спокойно; гдѣ политикамъ шведоманы, тайными мѣрами и мѣрами подкупа, постепенно укрѣпляли заговоръ полнаго отдѣленія Финляндіи отъ Россіи; тамъ, гдѣ холодная и суровая природа даритъ жителя

хотя и мрачными, но величественными картинами горъ, ущелій и озеръ, и гдѣ волны Балтійскаго моря грустно и тоскливо что-то говорятъ у ея береговъ—тамъ, говорю я, вдругъ взболомутилось житейское море и начался разгаръ злобы и ненависти между финнами и русскими... Худое прозанаменованіе! Зачѣмъ и для чего оно случилось? Зачѣмъ подлмая страсти политикамъ существующихъ у насъ въ Россіи сдѣлали Финляндію козломъ отпущенія? Зачѣмъ перенесли туда этотъ процессъ, который и по Божескимъ, и по человѣческимъ законамъ, по основамъ логики, по основамъ правды и справедливости, долженъ разсматриваться здѣсь въ Петербургѣ, а не въ Финляндіи? Умышленно задуманное вавилонское столпотвореніе, дѣйствительно, образовалось на судѣ.

Никого и ничего никто не понимаетъ.. 27 засѣданій продолжается безсмысленное издѣвательство надъ правосудіемъ, привлекаютъ всѣхъ, на кого только укажетъ кадетскій сыщикъ изъ Петербурга; не разсматривая еще дѣла, не проводя завѣдомо ложнаго доноса кадетскаго сыщика, надѣвають на привлекаемыхъ кандалы; по мановенію руки юридоваго обвинителя, ничего не понимающіе финскіе полицейскіе набрасываются, ни съ чего, ни съ сего на защитника обвиняемого и выносятъ его буквально на рукахъ, лѣзутъ къ нему въ карманъ и, несмотря на разрѣшеніе правительства носить въ карманѣ револьверъ, выхватываютъ его и преподносятъ судѣ... Судья выпучиваетъ глаза, потому что, за незнаніемъ русскаго языка, тоже ничего не понимаетъ, и бѣжитъ отъ своего судейскаго стола въ соседнюю комнату. Сумятица и безсмыслица—невообразимыя!.. А петербургскіе политики потираютъ руки и радуются что заварили такую кашу... Какая гнусность, какая мерзость, и все это на почвѣ правосудія!..

Вы только вдумайтесь въ эту траги-комедію, разыгрывающуюся въ финляндскомъ судѣ. Идетъ совѣщаніе, и судъ выноситъ резолюцію, коей гг. Булацель и Замысловскій *не допускаются* въ качествѣ защитниковъ Юскевича-Красковскаго. Черезъ полчаса послѣ этого, во

время которого выносить на руках Будацеля, тот же судья постановляет *допустить* Замысловскаго въ качествѣ защитника Юсковича-Красковскаго. Ну, что же это за безмыслица? — На вопросъ пр. пов. Някина, почему это дѣло финляндскій судья признаетъ себя подсуднымъ, судья отвѣчаетъ «на основаніи послѣдняго правительственнаго указа (подразумѣвая подъ этимъ, очевидно, послѣднее сообщеніе нашего «Освѣдительнаго Бюро»). Не говоря уже о томъ, что это „сообщеніе“ послѣдовало только на дняхъ, а судъ идетъ 2 года 6 мѣс. въ 27 засѣданіяхъ, но какого-же правосудія, возможно ожидать тамъ, гдѣ подсудность опредѣляется по «Освѣдительному Бюро»! — Вѣдь это уже чортъ знаетъ, что такое...

Кто же и въ чемъ обвиняетъ предсѣдателя «Союза Русскаго Народа» А. И. Дубровина? — спроситъ недоумѣвающей читатель. „Никто“, отвѣчу я, такъ какъ болтовню наемнаго брехунца-адвоката нельзя считать за обвиненіе. Ну, можетъ быть есть хотя одинъ свидѣтель? спроситъ недоумѣвающей читатель. „Да, есть“ отвѣчу я. „Этотъ свидѣтель — Ларечкинъ“.

Кто же онъ такой?

Судья оглашаетъ данныя о судимости Ларечкина, предоставленныя министерствомъ юстиціи. Ларечкинъ, какъ оказывается, былъ уже осужденъ судомъ на два года тюремнаго заключенія за кражу, и теперь петербургскій и московскій судебные слѣдователи разыскиваютъ его по обвиненію въ убійствѣ и въ кражѣ со взломомъ.

Ну, однако-же, что же показалъ этотъ свидѣтель?

Онъ показалъ, что... *объ убійствѣ, онъ съ Дубровинымъ никогда не говорилъ...*

Вотъ теперь и любуйтесь правосудіемъ, затѣянному злоствующимъ и мстѣющимъ политиканствомъ Петербурга и отвѣтите: *во имя какого закона и какой совѣсти порочатъ имя А. И. Дубровина?*

Кстати отмѣтимъ еще, что данныя о судимости Ларечкина вновь поднимаетъ для министерства юстиціи роковой вопросъ о *подсудности*. Какое-же имѣетъ право судить финляндскій судъ его, если въ финляндскомъ же уложеніи (отдѣлъ о

судопроизводствѣ гл. X. ст. 28, доп. 11) сказано:

если въ обоихъ краяхъ учинены однимъ и тѣмъ-же лицомъ, какъ тяжкимъ, такъ и маловажнымъ преступленія, то по всѣмъ онимъ производить слѣдствія и судить его тамъ, гдѣ *прежде начато слѣдствіе?*

Въ чаду всѣхъ этихъ несообразностей и юридическихъ абсурдовъ, въ заключеніе намъ еще разъ приходится обратиться къ Освѣдительному Бюро, сыгравшему такую роковую роль въ этомъ процессѣ. Оказалось, что, кромѣ всѣхъ приведенныхъ мною фактическихъ и юридическихъ невѣрностей и несообразностей, вообще, *все сообщеніе* отъ перваго до послѣдняго слова *невѣрно* и притомъ *завѣдомо невярно*. Вотъ что пишетъ «Новое Время» (№ 12036).

Интересно было бы знать, — говорить „Нов. Вр.“, — кто составилъ для „Освѣдительнаго Бюро“ его разъясненіе по дѣлу Герценштейна. Конечно, писалъ его не г. Люде, отсутствовавшій изъ С.-Петербурга и подвергшійся несправедливымъ нападкамъ нѣкоторыхъ органовъ. Разъясненіе полно фактическихъ неточностей.

Юристы «Освѣдительнаго Бюро» заявляютъ, что процессъ по обвиненію Прокопе въ участіи въ покушеніи на жизнь губернатора потому разбирался въ военномъ русскомъ судѣ, что при наличности въ краѣ военнаго положенія онъ разбирался не въ общемъ порядкѣ, а въ военно-судномъ. Тутъ двѣ невѣрности: первая, Прокопе за участіе вмѣстѣ съ Рейнке, нынѣ Сенатомъ досрочно освобожденнымъ, въ покушеніи на убійство Выборгскаго губернатора К. А. Мясоедова былъ судимъ не военнымъ судомъ, а выборгскимъ гофгерихтомъ и приговоренъ къ смѣшторному денежному штрафу въ нѣсколько марокъ. Вторая неточность: ни Финляндія, ни въ частности Выборгская губернія, къ сожалѣнію, не состояли ни одного дня на военномъ положеніи. Въ виду этого аргументація „Освободительнаго Бюро“ падаетъ. Прокопе же былъ по Высочайшему повелѣнію, испрошенному военнымъ вѣдомствомъ, преданъ военному суду с.-петербургскаго округа лишь тогда, когда,

поощренный безнаказанностью, убилъ* жанлармскаго офицера Крамаренка.

Точно также неправильно утвержденіе „Освѣдительнаго Бюро“, будто бы дѣло нюландскаго губернатора генерала Кайгородова, и какъ дѣло о должностномъ преступленіи велось въ полномъ соотвѣтствіи съ правилами о преданіи суду русскихъ должностныхъ лицъ за должностное преступленіе. Смѣемъ увѣрить юристовъ „Освѣдительнаго Бюро“, что дѣло М. Н. Кайгородова велось не только не „въ полномъ соотвѣтствіи съ правилами о преданіи суду русскихъ должностныхъ лицъ“, но и съ полнымъ нарушеніемъ Высочайшаго постановленія 1902 года о порядкѣ привлеченія къ суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства въ Финляндіи. Генералъ Кайгородовъ былъ привлеченъ къ суду Абоскимъ гофгерихтомъ какъ должностное лицо финляндскаго, а не русскаго управленія. Никакого дѣла о немъ въ русскихъ судебныхъ установленіяхъ не производилось, финляндское же дѣло, какъ носившее явно политическій революціонный характеръ, по представленію генералъ-адъютанта Бобрикова было Высочайше пренежено.

Крапо мнѣнію юристовъ „Освѣдительнаго Бюро“ дѣло объ убійствѣ Герценштейна не можетъ быть перенесено въ петербургскій судъ за силою 216 статьи Устава Уголовнаго Судопроизводства о подсудности по мѣсту совершенія преступленія и за отсутствіемъ соотвѣтствующаго закона о переносѣ дѣла. «Никакихъ изъятій, — говоритъ „Освѣдительное Бюро“, — изъ указаннаго правила русскіе законы не знаютъ, какъ «не знаетъ ихъ практика». Такъ ли это въ дѣйствительности и не ошиблись ли вы, гг. юристы, относительно „практики“? Вѣдь дѣло объ убійствѣ Крамаренка при отсутствіи военнаго положенія, а не при наличности военнаго положенія, какъ вы утверждаете, было перенесено въ русскій судъ. Если вамъ мало этого прецедента, то ниже приведемъ и другой и укажемъ, какъ въ аналогичномъ случаѣ было поступлено. Но вамъ не это важно:

пускай страдаютъ государственные, общественные и личные интересы, пускай русское имя подвергается глумленію и топчется въ грязь, — это въ вашихъ глазахъ пустяки. Важно вамъ лишь точное соблюденіе 216 ст. Устава Уголовнаго Судопроизводства. Кромѣ этой статьи однако въ русскомъ Уставѣ Уголовнаго Судопроизводства существуютъ и другія статьи, предписывающія переносъ дѣла изъ одного суда въ другой, если по мѣстнымъ условіямъ интересы государственные, общественные или безпристрастное разсмотрѣніе дѣла являются недостаточно обезпеченными въ судѣ, которому, по мѣсту совершенія преступленія, оно подсудно. Дѣйствительно, въ русскомъ уставѣ нѣтъ статьи закона, опредѣляющей порядокъ переноса дѣлъ изъ Финляндіи, но изъ этого пропуса вовсе еще не вытекаетъ того, чтобы интересы правосудія должны были быть приносимы въ жертву формѣ, какъ это вы полагаете. Вы только разводите руками и говорите non possumus. Истинные государственные люди не говорили, а дѣйствовали. Послѣ убійства генералъ-адъютанта Бобрикова, по представленію и. д. генералъ-губернатора, покойный министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго В. К. Плеве, находя, что разслѣдованіе этого дѣла въ интересахъ государственныхъ не можетъ быть предоставлено финляндскому суду, испросилъ Высочайшее повелѣніе о передачѣ для слѣдствія и сужденія дѣла объ убійствѣ Н. И. Бобрикова въ вѣдѣніе русскихъ судебныхъ установленій округа с.-петербургской судебной палаты. Предварительное слѣдствіе въ Гельсингфорсѣ производилъ судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ с.-петербургскаго окружнаго суда Коробичъ-Черныскій, за слѣдствіемъ наблюдалъ прокуроръ с.-петербургской судебной палаты Э. И. Вунчъ. Одновременно на департаментъ полиціи было возложено производство розысковъ въ интересахъ обнаруженія остальныхъ участниковъ убійства.

Это Высочайшее повелѣніе для

257/81

исполненія было предложено Императорскому финляндскому сенату, который немедленно же, без всяких протестовъ (время было еще твердое и непригодное для протестовъ), предписалъ финляндскимъ властямъ передать дѣло объ убійствѣ генераль-адъютанта Бобрікова русскимъ судебнымъ властямъ и оказывать имъ и русской полиціи полное содѣйствіе къ разысканію заговора, жертвою котораго палъ Н. И. Бобріковъ.

Итакъ въ практикѣ финляндскихъ судовъ имѣется уже два прецедента изъятія дѣлъ изъ ихъ подсудности, вопреки заявленію „Освѣдительнаго Бюро“, и передачи таковыхъ въ русскіе суды, когда того требовали государственные интересы Имперіи. Дѣло Герценштейна, эта наша русская Дрейфузіада, должно быть освѣщено въ русскомъ гласномъ судѣ. Пора положить конецъ этому суду, который на крови создалъ какой-то неприличный водевиль. Путь, которымъ пошелъ

В. К. Плевс, единственно правильный путь, и нашимъ освѣдительнымъ юристамъ широкій государственный размахъ не по плечу—ихъ смущаетъ 216 статья Устава Уголовнаго Судопроизводства.

Такимъ образомъ, является новая загадка въ этомъ таинственномъ процессѣ: *кто и для чего* составилъ это завѣдомо невѣрное сообщеніе? Почему газета „Россія“ взялась защищать это невозможное для защиты сообщеніе и вынуждено было наговорить массу юридическихъ абсурдовъ? *Кто* съ необычайной поспѣшностью успѣлъ перевести это «сообщеніе» на финскій языкъ и обмануть полуграмотнаго финна—судью значеніемъ этого сообщенія, назвавъ его „правительственнымъ указомъ?“

Вообще, загадки, загадки, въ этомъ таинственномъ процессѣ и когда же свѣтъ Судебныхъ Уставовъ прорветъ темноту этого таинственного процесса?

Ярмонкинъ.

